

КОНТАКТЫ И СВЯЗИ С НАРОДАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ПЕРВАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Е.Г. Кострикова

Центр «Россия в международных отношениях»
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 119036

Статья посвящена проблеме взаимоотношений власти и общества накануне Первой мировой войны, борьбе мнений по одному из важнейших направлений внешней политики России — ближневосточному — на примере Первой балканской войны 1912—1913 гг. Исследование основывается на изучении широкого круга источников: русская дореволюционная пресса, архивные материалы, мемуарная литература.

Ключевые слова: внешняя политика России, Первая балканская война, Черноморские проливы, общественное мнение, пресса, С.Д. Сазонов.

Ряд международных конфликтов, предшествовавших Первой мировой войне, был связан с Балканами, давно имевшими устойчивую репутацию «порохового погреба Европы», поскольку там пересекались политические, стратегические и экономические интересы всех великих держав. Все, что происходило на Ближнем Востоке и Балканском полуострове, чрезвычайно волновало русское общество, традиционно видевшее свою миссию как освободительную. Но были и более реальные основания политического и экономического характера, заставлявшие как руководящие сферы, так и общественные силы России внимательно следить за ситуацией в регионе. Если дипломатическая история Первой и Второй балканских войн достаточно хорошо изучена, то проблема борьбы мнений по балканской политике в российском обществе в этот период изучена мало (1).

К началу 1912 г. обстановка на Балканах приобрела взрывоопасный характер. Поражения, которые терпела Турция в войне с Италией, поставили вопрос о судьбе Османского наследия и дали новый толчок национально-освободительному движению балканских народов. В мае 1912 г. в Албании вспыхнуло восстание. Воспользовавшись ситуацией, Австро-Венгрия постаралась добиться для Албании автономии, чтобы, распространив там свое влияние, еще более укрепиться на Балканах. В свою очередь, балканские государства потребовали от Турции радикальных реформ в Македонии, предусмотренных 23-й статьей Берлинского трактата (2).

Справедливые требования балканских народов переплетались с агрессивными замыслами правительств, рассчитывавших использовать благоприятный момент для осуществления своих планов.

Русская дипломатия, как и французская и английская, содействовала объединению балканских государств, служившему противовесом агрессии Австро-Венгрии в регионе. К весне 1912 г. практически закончилась длительная и сопряженная с многочисленными осложнениями работа по объединению балканских государств в союз. 13 марта 1912 г. был подписан сербо-болгарский договор, дополненный 12 мая того же года военной конвенцией.

Параллельно шли греко-болгарские переговоры, завершившиеся 29 мая подписанием договора. Однако ярко выраженная антитурецкая направленность союза не могла не внушать тревогу. Бывший министр иностранных дел, а в тот момент посол во Франции А.П. Извольский делился с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым своими опасениями: «...Конвенция, заключенная между Болгарией и Сербией, имеет, к сожалению, скорее наступательный, а не исключительно оборонительный характер. Следует очень опасаться нескромности этих двух балканских государств» (3). Уверенности в том, что в случае возникновения вооруженного конфликта на Балканах его удастся локализовать, не было, а к большой войне Россия не была готова ни в военном, ни в экономическом отношении. Кроме того, военный конфликт с участием Турции мог поставить на очередь вопрос о судьбе черноморских проливов.

Свобода судоходства через черноморские проливы для торгового и промышленного мира России имела отнюдь не символическое значение. Морская перевозка грузов представляла неоспоримое преимущество перед сухопутной, поскольку обходилась в 25 раз дешевле. По данным Министерства торговли и промышленности, за десятилетие с 1903 по 1912 г. вывоз через Дарданеллы составил 37% всего вывоза Российской империи. Этот торговый путь играл большую роль для развития промышленности Юга России: Донецкого каменноугольного бассейна, Кавказского нефтепромышленного и рудоносного бассейна. Что же касается хлебного экспорта, то до 80% его осуществлялось через порты Черного и Азовского морей (4).

Таким образом, любое нарушение режима Босфора и Дарданелл затрагивало интересы влиятельных торговых и промышленных кругов России. Закрытие проливов в апреле 1912 г. заставило их поднять тревогу. Влиятельные органы печати требовали решительных действий (5). «Русское слово» в статье «Пороховой погреб» заявило: «Ответственность за такое невыносимое положение на Босфоре всецело ложится на нашу дипломатию» (6).

Русская дипломатия прилагала невероятные усилия, чтобы удерживать ситуацию на Балканском полуострове в мирных рамках. С.Д. Сазонов попытался убедить прибывшего в Петербург в мае 1912 г. председателя Народного собрания Болгарии С. Данева воздержаться от активных действий. В Париже А.П. Извольский имел беседу с болгарским министром финансов Б. Тодоровым, но вывод его был неутешительным: «Болгарские политические деятели всех партий проникнуты убеждением, что подобная конъюнктура может в течение долгого времени

не повториться и что Болгария сделает непоправимую ошибку, если она не попытается так или иначе ею воспользоваться для разрешения своих исторических задач». В Константинополе М.Н. Гирс уговаривал министра иностранных дел Турции Ассим-бея не поддаваться на провокации итальянцев и не закрывать вторично проливы. Товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов поручил российским представителям в Белграде, Софии и Афинах предупредить правительства, при которых они были аккредитованы, «что мы считаем нынешнее запутанное внутреннее положение турецкого правительства и возбуждение, вызванное новой атакой Дарданелл, особенно неблагоприятными моментами для каких-либо выступлений, могущих нарушить *status quo* и тем подвергнуть опасности сохранение мира» (7).

Однако ситуация все более выходила из-под контроля. Посланник в Софии А.В. Неклюдов сообщал, что, по его мнению, в болгарском руководстве все уже решено: «С нами или без нас, но *при известных обстоятельствах* и по истечении известного времени, они, несомненно, пойдут вперед и напролом» (8). Посол в Вене Н.Н. Гирс предупреждал: «...Малейшая искра на Балканах... может вызвать вторжение Болгарии и Сербии в турецкие владения» (9).

Но не только правительственные и общественные круги балканских государств были воинственно настроены.

Среди видных представителей российской общественности оказалось немало сторонников решительных действий. Они находили момент вполне подходящим для осуществления «вековой мечты» — овладения черноморскими проливами, выпавшим шансом поквитаться с Австро-Венгрией за унижение, пережитое в дни Боснийского кризиса.

Летом 1912 г. на Балканах побывал лидер октябристов А.И. Гучков. В Софии и Белграде он встретился с представителями политической и финансовой элиты. Военный агент в Сербии полковник В.А. Артамонов докладывал: «Сербские деятели усмотрели в А.И. Гучкове наиболее яркого представителя русского общественного мнения, устами коего, казалось, неофициальная Россия выражала свои желания, сообщала то, чего не хотели или не могли сказать ее официальные представители» (10).

Предвидя назревающий военный конфликт, все крупные русские газеты направили на Балканы своих корреспондентов. Их сообщения свидетельствовали о решимости балканских государств идти до конца, уверенности, что Россия их не оставит. Эта уверенность зачастую подогревалась и самими журналистами.

Посланник в Софии А.В. Неклюдов сообщал: «Здесь пробыл шесть дней и вернулся в Белград посланец „Нового времени“ Табурно. Он рассказал Гешову*, будто государь император, приняв недавно Михаила Суворина, соизволил сказать ему, между прочим, что Россия ни при каких обстоятельствах не потерпит вступления австрийских войск в Сербию. Я убедительно просил Гешова верить моим заявлениям, основанным на категорических указаниях императорского министерства, а не тем или иным рассказам Табурно. Но я уверен, что последний сделал здесь свое дело» (11).

* И. Гешов — премьер-министр Болгарии в 1911—1913 гг.

Эта бурная деятельность в сочетании с зажигательными публикациями части русской прессы привела к тому, что, как сообщал А.А. Нератову из Константинополя М.Н. Гирс, у аккредитованных при Порте балканских коллег, особенно у представителя Болгарии, на устах один вопрос: «Когда же двинется Россия?» (12).

В поисках путей предотвращения войны на Балканах русская дипломатия обратилась к помощи других держав. В сентябре 1912 г. С.Д. Сазонов посетил Лондон, Париж и Берлин. Одновременно царская дипломатия всеми силами старалась ускорить заключение итало-турецкого мира.

Однако все эти шаги С.Д. Сазонова встретили мало сочувствия в самой России. Министра критиковали за поездку по Европе в самый ответственный момент, за содействие заключению мира между Италией и Турцией, что осложняло положение балканских государств, и особенно за нажим на эти государства. В прессе все чаще звучали воинственные призывы.

В том, кто является главным врагом России, сомнений не было.

«Русское слово» считало, что если Австрию не остановить, то она завоюет весь Балканский полуостров, а потому Россия должна быть готова «твердой рукой» защитить дело мира и оградить свои интересы». С либеральной газетой в данном случае были солидарны и правонационалистические «Московские ведомости»: «...Хотим мы этого или не хотим, выгодно это для нас или губительно, — но обстоятельства очень скоро потребуют от нас стать на свой исторический пост. А потому для нас требуется перестать быть вечно „неготовыми“, сделаться готовыми, и притом готовыми ко всему» (13).

В то же время степень готовности России к европейской войне оценивалась по-разному. Если «Московские ведомости» протестовали против «раздутых толков» о нашей неподготовленности и уверяли, что «в нашей армии уже подготовлены многие существенные условия для энергичного действия вооруженной рукой», то иначе было настроено «Новое время»: «Мы не готовы к войне, мы не хотим войны, мы даже не хотим к ней готовиться. Печальный опыт истории говорит, что это — лучшее средство, чтобы быть втянутым в войну несчастную, в войну неудачную и позорную». М. Меньшиков в статье «Разгром или реформа» призывал срочно исправить положение. Ему вторил орган прогрессистов «Утро России»: «Сроки близятся... горе неготовым!» Газета Рябушинского считала, что спустя семь лет «и флот и армия у нас находятся ничуть не в лучшем положении, чем они были до печальной памяти последней войны» (14).

В накалявшейся обстановке коллективная нота великих держав, требовавшая от Турции немедленного проведения реформ в Македонии, рассматривалась как последнее средство предотвратить войну на Балканах. Посредничество в этом деле взял на себя Пуанкаре. Но необходимое единодушие достигнуто не было, во многом из-за позиции Англии, не желавшей оказывать давление на Турцию. Пришлось России и Австро-Венгрии, как наиболее заинтересованным державам, выступить с совместной нотой, предупреждавшей о недопустимости изменения *status quo* на Балканском полуострове. Царская дипломатия пошла на такой шаг с целью не допустить вторжения австрийцев в Новобазарский санджак (15).

Совместные действия с извечным противником России на Балканах были встречены общественностью без энтузиазма. «Утро России» в статье «Каштаны для австрийцев» задало вопрос: «Что поддерживает наш разъезжающий по Европе министр иностранных дел? Авторитет султана или интересы Австрии? О том, что Сазонов поддерживает авторитет России, не может быть даже и вопроса». В таком же тоне высказалось «Русское слово»: «Для графа Берхтольда на первом месте стоят интересы Австро-Венгрии, а затем уже мир. У нашей правящей бюрократии на первом месте стоит мир, а затем уже интересы России». «Голос Москвы» и «Новое время» напомнили, что всякий раз, когда Россия выступала совместно с Австрией, ее интересы терпели ущерб (16).

Лишь кадетская «Речь» последовательно поддерживала внешнюю политику правительства. Если в сентябре она еще позволяла себе иногда критиковать действия МИД, то начиная с октября она приветствовала все его шаги, расходясь при этом во взглядах как с правой, так и с либеральной печатью. Такое родство взглядов министра иностранных дел и кадетского печатного органа было отмечено и справедливо связывалось с посещением С.Д. Сазонова П.Н. Милоковым. Оно состоялось вскоре после возвращения министра из поездки по Европе.

3 октября в официозной «России» появилась передовая статья, воспринятая как декларация Сазонова. Министр иностранных дел призвал русское общество к спокойствию и объявил главной задачей момента сохранение мира «без принесения в жертву наших действительных интересов». Он заявил также, что «правительство чувствует себя твердо поддержанным громадным большинством русского народа, и его не могут смутить ни нападки печати, ни крайние увлечения». Печать живо откликнулась на это выступление, но особой поддержки Сазонов не получил. «Русское слово» заметило: «Возгласы о мире во что бы то ни стало учитываются сплошь и рядом как признак слабости и ведут к войне» (17).

26 сентября 1912 г. Черногория начала военные действия против Турции. 5 октября ее поддержали Болгария, Сербия и Греция.

Война стала общевалканской, а ее результаты удивили всю Европу. Пытаясь предсказать возможный ход событий, многие издания еще в сентябре провели анализ военных и финансовых возможностей будущих противников. Выводы были схожими. Сербию, Черногорию и Грецию за серьезную силу не посчитали, о военных ресурсах Болгарии отзывались положительно. Турцию оценивали как опасного противника. Балканские государства, как считали, могли победить лишь при условии активных наступательных действий. Предсказывать конечный результат, в основном, не решались.

Что касается российского МИД, то там серьезно опасались поражения славян. Этим в значительной степени объяснялись усилия русской дипломатии, направленные на предотвращение войны. 28 сентября Сазонов телеграфировал в Париж Извольскому о необходимости подготовить скорейшее вмешательство держав с целью «прекратить войну после первых же решительных действий», так как «затяжной характер войны едва ли соответствовал бы интересам балканских государств, ввиду ограниченности их ресурсов». Сам Извольский в письме Сазонову

10 (23) октября, перечисляя возможные варианты войны, назвал решительную победу балканских государств наименее вероятной (18).

Прогнозы оказались ошибочными.

Победы Балканского союза сделали невозможной поддержку принципа *status quo* на Балканах. В нашей прессе делались попытки оказать давление на правительство в расчете на то, что при разделе европейских владений Турции между победителями появится, наконец, возможность поднять вопрос о черноморских проливах. В этом сходились издания самых разных направлений. «Мысль об изгнании турок из Европы начинает воскресать с непостижимой быстротой и подчинять себе умы», — писало «Русское слово». «Все усилия сохранить мир и *status quo* до тех пор, пока европейские державы подготовят прочные захваты различных кусков Турции, разбиты смелым почином балканской коалиции», — торжествовали «Московские ведомости». «Новое время» и «Голос Москвы» предупреждали: если балканские государства победят, никто не вправе препятствовать им использовать плоды победы (19).

Осуждая Милюкова, не желавшего признавать необратимость происшедших на Балканах перемен, «Утро России» настаивало: «...Неофициальная Россия, для которой органически чужда балканская секретная политика г. Сазонова и не менее чужда нынешняя балканская позиция г. Милюкова, давно уже признала, что решение балканского вопроса должно быть единолично предоставлено балканским государствам...» (20).

А что же думал о подобных выступлениях сам Сазонов? «Упреки печати оставляли нас равнодушными еще и потому, что в той же мере, в какой создавалось ложное представление о коренном разладе между Россией официальной и неофициальной, задачи нашей политики в отношении к европейским кабинетам до известной степени облегчались. Не предполагая, чтобы наши соперники имели наивность разделять мнения нашей, зачастую столь мало разбирающейся в международных вопросах печати, мы все же до известной степени могли использовать представление о кажущемся разладе, чтобы склонить кабинеты к мысли о необходимости считаться с трудностью нашего положения и бороться с натиском нашего общественного мнения». Пример тому, как царская дипломатия использовала выступления печати для воздействия на союзников, содержится в секретной телеграмме Извольского, в которой он сообщает, что в разговоре с Пуанкаре заметил: «...Наше общественное мнение, без сомнения, выскажется с большой силой против лишения балканских государств их завоеваний...» (21).

С.Д. Сазонов решил еще раз выступить перед русским обществом с разъяснением своей деятельности. Это выступление, как и предыдущее, было анонимным. 18 октября «Русское слово» напечатано сообщение своего петербургского корреспондента, уже сам заголовок которого — «Задачи русской дипломатии» — привлекал особое внимание.

В нем подробно разбирались шаги русской дипломатии за последний месяц, доказывалась их необходимость, а в конце говорилось: «...Хотя мое мнение, что русская дипломатия вознамерилась во что бы то ни стало сохранить территори-

альную неприкосновенность Турции, не может считаться обоснованным, а построено на очевидном недоразумении».

По общему мнению печати, это было новое выступление министра иностранных дел. В пользу такого взгляда говорит тот факт, что в тот же день, 18 октября, С.Д. Сазонов отправил российским послам в европейских столицах циркулярное письмо, текст которого в основных положениях совпадает с текстом сообщения в «Русском слове» (22).

Но отказ царского правительства от поддержания status quo на Балканах уже не удовлетворял влиятельные круги русского общества.

Болгарская армия подходила к Константинополю, и на страницах газет появились головокружительные планы овладения Черноморскими проливами, решения Восточного вопроса.

«Русское слово» настаивало: «Самые жизненные интересы России тесно связаны с вопросом об обеспечении полной свободы плавания через Босфор и Дарданеллы при всяких условиях. Мы не можем допустить, чтобы в этом направлении на пути России стала другая держава». «Голос Москвы» прямо заявил: «Нам нужны проливы, нам надоело сидеть в доме, ключ от которого в чужом кармане. Мы требуем, чтобы он был у нас». На немедленных действиях настаивало «Утро России»: «Если вопросы о проливах не будут разрешены при настоящих исключительно благоприятных для нас условиях, то вместе с тем миссия России, как великой державы, на юге будет окончена уже навсегда» (23).

Перспектива занятия Константинополя болгарской армией вызвала в Министерстве иностранных дел России серьезную тревогу. В то же время Англия и Франция не только не собирались останавливать болгар, но даже побуждали их к захвату турецкой столицы. Чтобы оказать давление на союзников по Антанте, Сазонов снова прибег к ссылке на общественное мнение России: «Мы обращаем внимание нашей союзницы на то, что наше общественное мнение, и без того напряженно относящееся к событиям на Балканах, может создать для правительства крайне затруднительное положение» (24).

Дело было не только в проливах.

Уже сам факт победы балканских государств упрочил внешнеполитическое положение России. Влиятельные силы торгово-промышленного мира временно прекратили критику Министерства иностранных дел. В этом отношении показательна позиция «Утра России». Этот рупор московской буржуазии, с первых дней балканского кризиса не прекращавший нападки на С.Д. Сазонова и даже посветовавший ему уступить пока не поздно свое место «более независимому и более дальновидному преемнику», внезапно разразился восторженной статьей «Великая победа России». Мы имеем перед собой не одну, а две победы, заявила газета, одна — победа славянства, другая — победа русской дипломатии. Переменив фронт, «Утро России» признало: «...Эта „несчастливая“ и „бездарная“ политика, над которой мы так горько смеялись, была на самом-то деле далеко не несчастной, а была, напротив, глубоко мудрой, даже вдохновенной, была *величайшей победой, какую когда-либо совершила русская дипломатия*» (25).

Однако стремление Сербии получить выход к Адриатическому морю натолкнулось на решительное противодействие Австро-Венгрии. Порт Дураццо включался Австрией в границы предполагаемой автономной Албании. На стороне Сербии были практически все политические силы России. Первоначально и само правительство было готово поддержать сербские требования (26).

В середине ноября 1912 г. сербские войска заняли Дураццо. Австрия на уступки не шла и начала мобилизацию. Германия подтвердила свои союзнические обязательства в отношении Австро-Венгрии. Конфликт между Австро-Венгрией и Сербией поставил Европу, как и в 1909 г., на грань всеобщей войны. Австрийские милитаристские круги во главе с наследником престола эрцгерцогом Францем-Фердинандом считали момент удобным.

Не было недостатка в горячих головах и в России. «Утро России» призывало не отступать перед Австрией: «Кто бы ни объявлял в течение всего прошлого столетия войну австрийцам, бил их без особых трудов и усилий... Военная история Австрии — ряд сплошных поражений и унижений». С откровенной угрозой по адресу Австрии выступило и «Новое время»: «Вслед за разделом Турции уже поставлен вопрос о дальнейшем существовании Австрии...». Не отставал и «Голос Москвы»: «...Никогда не было более удобного момента для ликвидации разношерстной монархии. Вся она расползается изнутри...» (27).

Выходом из создавшейся на Балканах ситуации должна была стать конференция послов шести великих держав, начавшая работу в Лондоне 3 декабря 1912 г. под председательством британского министра иностранных дел Э. Грея.

В России, где не забыли Берлинский конгресс 1878 г., к идее конференции отнеслись настороженно. «Московские ведомости» писали: «Лучшее средство парализовать влияние России на Балканах, отодвинув Россию на самое второстепенное место, и вырвать плоды побед из рук балканских государств составляет „конференция“...». «Голос Москвы» предупреждал: «Конференция — слишком опасное оружие, чтобы к нему можно было обращаться с легким сердцем». «Утро России» также считало, что к конференции, «в силу незабываемых исторических воспоминаний, Россия и балканские государства имеют полное основание относиться отрицательно» (28). Но были и сторонники конференции, они находились в либеральном лагере и рассчитывали на твердую поддержку союзников по Антанте (29).

Эти оптимистические настроения оказались необоснованными. На первом же совещании послов, по настоянию Австрии и Италии, было принято решение о создании автономной Албании под верховной властью султана и под контролем шести великих держав. Таким образом, Сербия лишалась выхода к Адриатическому морю.

Реакция в России не заставила себя ждать. «Официальная Россия серьезно поверила в войну и отступила, отступила по всей линии», — сокрушалось «Утро России». «Новое время» объявило действия русской дипломатии «дипломатическим Мукденом»: «...Русская дипломатия всех и всего боится и, прикрываясь миролюбием, накликает на свою страну опасные испытания». «Ненужное отступ-

ление» — так квалифицировало «Русское слово» действия держав Тройственного соглашения (30).

Тревожные события начала декабря совпали с открытием IV Думы. Уже с ноября «неофициальная» Россия начала готовиться к встрече с Россией «официальной». «Новое время» настаивало: «...Если народное представительство не есть одна лишь декорация... то едва ли наше правительство откажет ему в возможных по обстоятельствам объяснениях и сообщениях относительно принятого правительством курса политики в восточном вопросе...» (31). «Речь» предупреждала: «Отказываясь от выступления перед народными представителями, дипломатия не только ослабляет сама себя, а и нервирует общественное мнение, вместо того, чтобы вносить в него успокоение» (32). Однако министр иностранных дел не считал момент благоприятным для выступления в Думе. Очевидно, он сознавал, что поддержки там ему не получить.

5 декабря перед депутатами Думы выступил В.Н. Коковцов. Отдавая должное победам, одержанным балканскими народами, премьер при этом напомнил, что «коренное правило всякой разумной политики — стремление к фактически достижимому» (33).

Речь премьера не удовлетворила почти никого в Думе. Об этом же свидетельствовали и отклики в печати. «Утро России» писало: «Голоса мощной России, о чести и достоинстве которой говорил В.Н. Коковцов, мы в его декларации не услышали». Солидарно с ним было «Русское слово», считавшее, что Коковцов «ухитрился в обширной речи не сказать ровно ничего нового и определенного, ограничиваясь общими местами и громкими фразами патриотического содержания» (34). Новая Дума продемонстрировала настрой на решительную политику на Ближнем Востоке. Только при этом условии министр иностранных дел мог рассчитывать на ее поддержку.

Лондонская конференция продолжала свою работу, но переговоры шли трудно.

Турция категорически отказывалась уступить болгарам Адрианополь. За противоречиями между победителями и побежденной Турцией стояли интересы великих держав, что еще более осложняло поиск договоренностей. Другим спорным вопросом была судьба албанского города Скутари, на который претендовала Черногория. Австрия, со своей стороны, была категорически против.

Сазонов позднее вспоминал, что в широких кругах русского общества тема Скутари приобрела чрезвычайную остроту и доставила ему, как министру иностранных дел, немало тревожных минут, поскольку «Скутари могло отойти к Черногории не иначе, как ценой удачной войны с Тройственным союзом» (35).

Чтобы преодолеть сопротивление Турции и не дать России действовать самостоятельно, Англия и Франция предложили коллективное давление: выступление послов в Константинополе и далее вплоть до военно-морской демонстрации. Этому воспротивилась Германия. Акция свелась к вручению послами 17 января 1913 г. ноты Порте с требованием отказаться от Адрианополя. Турецкое правительство уже готово было уступить. Но в этот момент в стране произошел переворот, к власти вернулись младотурки, что усилило там позиции Германии.

Новый кабинет занял непримиримую позицию, и военные действия были возобновлены. Турки вновь потерпели поражение. 13 марта Адрианополь был взят болгарами. Снова нависла угроза над турецкой столицей, а, следовательно, и над зоной проливов.

С.Д. Сазонов поднял вопрос о посылке десанта: «Наша воинская часть может способствовать предотвращению беспорядков во время отступления через Константинополь турецкой армии и в то же время служить нравственным средством давления при определении черты между Турцией и Болгарией в желательном для нас смысле». На что последовала резолюция царя: «По-моему, посылка отряда крайне нежелательна» (36). Но даже если бы и было принято положительное решение, оно не могло быть реализовано. Командующий морскими силами Черного моря Эбергард докладывал, что в Одессе нет ни одного судна Добровольного флота, годного для перевозки войск: «Надлежит иметь в виду, что в указанном случае я могу двинуть лишь 750 человек на транспорте „Кронштадт“» (37). Такова была пропасть между воинственными планами националистически настроенной прессы и неутешительной реальностью.

Не менее важным было несовпадение позиций России, Франции и Англии в подходах к решению проблемы проливов. Каждая держава имела в Турции свой интерес. Поэтому очередная попытка России договориться о коллективном демарше в Константинополе и Софии, чтобы остановить военные действия, увязла в согласованиях. Опасаясь, что Россия все же пошлет Черноморский флот в проливы, французское правительство предложило коллективную морскую демонстрацию всех великих держав. Формально согласившись, Сазонов сделал все возможное, чтобы остановить Болгарию. Наступление на Чаталджу было прекращено.

С момента поражения Турции в войне главной заботой русской дипломатии было не допустить ее чрезмерного ослабления. Об этом же заботился и морской министр И.К. Григорович, считавший, что до тех пор, пока Россия не готова к разрешению судьбы проливов, этот вопрос не должен быть поставлен вовсе, следовательно, Турция должна иметь возможность защитить проливы от внешней угрозы (38).

В то время как руководители русской дипломатии были озабочены дальнейшим ходом событий на Балканах, в большей части российского общества царила эйфория. Пример подала Государственная дума. Весть о падении Адрианополя пришла во время пленарного заседания 13 марта. Последовали крики «Ура!», затем депутаты покинули зал заседаний, чтобы прямо в стенах Думы отслужить молебен. За стенами Таврического дворца проходили многолюдные манифестации. В Петербурге началась кампания Славянских банкетов, в которых принимали участие политические лидеры самого широкого спектра: от националистов до кадетов. Принимались резолюции, требовавшие от правительства решительной поддержки славян.

С.Д. Сазонов жаловался А.П. Извольскому: «Куда ни кинь, все клин. Давно Европа не переживала такой серьезной минуты. Наша националистическая печать и кучка людей, черпающих из нее свою осведомленность и свою точку зрения,

причиняет своим безумием немало хлопот, проводя полное отождествление интересов России с интересами балканских союзников... Я сильно устал и иногда хочется все бросить и уехать в деревню» (39). Позднее в своих воспоминаниях Сазонов описал обстановку того времени более спокойно, но вместе с тем и более определенно: «В начале 1913 года сочувствие нашего общественного мнения сербскими домогательствам стало проявляться с силою, которая внушала мне некоторые опасения относительно возможности удержать в руках правительства руководящее влияние на ход политических событий... Подобное настроение являлось результатом, с одной стороны, интриг отдельных лиц, из которых некоторые находились под гипнозом личных честолюбивых замыслов, другие же — ложно понимаемого патриотизма, а третьи, наиболее многочисленные, — действовали под влиянием принципиальной оппозиционности правительству, а также плохой осведомленности об общем политическом положении Европы» (40).

Чтобы снять напряжение и частично преодолеть «плохую осведомленность», С.Д. Сазонов пригласил к себе на квартиру 22 марта большую группу депутатов во главе с председателем Государственной думы М.В. Родзянко. Поскольку ряд националистов и правых отказались сесть за один стол с кадетами, министру пришлось принимать их отдельно.

Подробности встречи на следующий день появились в прессе. Отклики вряд ли удовлетворили Сазонова.

«Утро России» посчитало, что услышанные объяснения «значительно запутаны и дышат боязнью», а «Голос Москвы» просто заявил, что «попытка С.Д. Сазонова убедить членов Государственной думы и через их головы всю Россию потерпела полное фиаско» (41).

28 марта было опубликовано правительственное сообщение, в котором обосновывалась необходимость уступки по вопросу о Скутари. С.Д. Сазонова поддерживали только «Земщина» и «Колокол», выразившие мнения крайне правых. Они обвинили во всем Францию и Англию: «Не С.Д. Сазонов продал Черногорию и Албанию, а мы оказались слабыми, потому что заключили союз с державами, цели которых противоположны нашим» (42). В общем, министр переживал не самые лучшие дни своей карьеры. «Только тот, кто сам изведает прелесть власти, может отдать себе ясный отчет о тех трудностях, с к[ото]рыми мне приходится бороться с начала Балканского кризиса, — писал он А.П. Извольскому. — Несмотря ни на какие ослиные лягания я продолжаю, насколько позволяют силы, спокойно идти по тому пути, который мне указывают мой рассудок и моя совесть, надеясь на конечное торжество здравого смысла и политической добросовестности над безумием и интригой» (43).

10 апреля черногорские войска взяли Скутари. В ход событий на Балканах вмешались державы — участницы Лондонской конференции. Под их нажимом черногорская армия оставила Скутари, и город был занят международным отрядом, высадившимся с соединенной эскадры, которая блокировала Черноморское побережье.

17 (30) мая 1913 г. был подписан мирный договор между Турцией и балканскими союзниками. Почти вся европейская часть Турции, за исключением Кон-

стантинополя и территорий, прилегающих к проливам, перешла к победителям. Однако остались и нерешенные проблемы: будущее Албании и ее границы, судьба Эгейских островов, на которые претендовала Греция.

Державы, взявшие на себя посредничество в балканском споре, не только не справились с задачей примирения враждующих сторон, но, преследуя собственные корыстные цели, способствовали дальнейшему обострению конфликта.

Лондонский договор не удовлетворил победителей. Сербия не получила выхода к Адриатике и искала компенсаций в Македонии, где ее интересы сталкивались с Болгарией. Греция, также недовольная решением Лондонской конференции, искала компенсаций за счет Болгарии в Южной Македонии и во Фракии. 1 июня, на следующий день после подписания Лондонского договора, был заключен сербо-греческий союз против Болгарии. К нему примкнула Румыния, претендовавшая на Южную Добруджу.

Разногласия в Балканском союзе в итоге привели ко Второй балканской войне, в которой Болгария сражалась против своих недавних союзников.

Первая балканская война была одним из самых острых международных конфликтов кануна Первой мировой войны, отразившего всю глубину противоречий между двумя группировками великих держав: Тройственным согласием и Тройственным союзом — и коренным образом изменившим расстановку сил в регионе.

В ходе военных действий Европа оказалась на грани военного столкновения. В то же время война на Балканах явилась испытанием прочности Антанты. Россия убедилась, что далеко не во всем может рассчитывать на поддержку своих союзников. Главным образом это относится к проблеме черноморских проливов, которая имела особое значение для влиятельных торговых и промышленных кругов России, побуждавших дипломатическое ведомство к активным действиям. Именно в период Балканских войн определенной частью российского общества была пройдена черта, за которой угроза европейской войны перестала восприниматься как катастрофа. Слово «война» легко произносилось на ура-патриотических манифестациях, мелькало на страницах газет. Но именно в этот период русская дипломатия проявила чрезвычайную осторожность, не позволив втянуть страну в авантюру.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Аветян А.С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны, 1910—1914. — М., 1985; *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны (1910—1914 гг.) // Исторические записки. — 1965. — Т. 75; *Бовыкин В.И.* Из истории возникновения первой мировой войны: Отношения России и Франции в 1912—1914 гг. — М., 1961; *Гришина М.И.* Империалистические планы кадетской партии по вопросам внешней политики России (1907—1914 гг.) // Ученые записки / Московский педагогический институт им. В.И. Ленина. — 1967. — Т. 286; *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908—1914 гг.). — М., 1962; *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* На путях к мировой войне, 1914—1918. — М., 1940. — С. 110; *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. — М., 1985; *Силин А.С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908—1914). — М., 1976; *Урибес Э.* Российское общество и внешняя политика // История внешней политики Рос-

- сии. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). — М., 1997.
- (2) *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* На путях... — С. 110.
 - (3) Международные отношения в эпоху империализма (МОЭИ). — М.; Л., 1938. — № 825. — Т. 19. — Ч. 2. — С. 472.
 - (4) Константинополь и проливы. — М., 1925. — Т. 1. — С. 157; *Хошилер М.* Экономическое значение Дарданелл // Проливы: Сб. — М., 1923. — С. 63.
 - (5) Новое время. — 1912. — 20, 24, 28 апреля; Биржевые ведомости. — 1912. — 20 апреля; Московские ведомости. — 1912. — 24 апреля; Голос Москвы. — 1912. — 24 апреля.
 - (6) Русское слово. — 1912. — 30 апреля.
 - (7) Письмо С.Д. Сазонова А.В. Неклюдову. — 10 (23) мая 1912 г. — МОЭИ. — № 64. — Ч. 1. — Т. 20. — С. 61; Письмо А.П. Извольского С.Д. Сазонову. — 24 мая (6 июня) 1912 г. — № 146. — С. 140; № 341. — С. 345; № 352. — С. 352.
 - (8) Письмо А.В. Неклюдова С.Д. Сазонову, 12 (25) июля 1912 г. — МОЭИ. — № 359. — С. 364.
 - (9) Письмо Н. Гирса С.Д. Сазонову, 25 апреля (8 мая) 1912 г. — МОЭИ. — № 870. — Ч. 2. — Т. 19. — С. 513.
 - (10) Рапорт В.А. Артамонова, 16 (29) июля 1912 г. — МОЭИ. — № 381. — С. 386—387.
 - (11) Телеграмма А.В. Неклюдова А.А. Нератову. — МОЭИ. — Ч. 2. — С. 234; МОЭИ. — Л. 142—143, 7 (20) сентября 1912 г. На телеграмме помета Николая II: «неправда».
 - (12) М.Н. Гирс — А.А. Нератову. — 16 (29) июля 1912 г. — МОЭИ. — № 385. — С. 392—393.
 - (13) Русское слово. — 1912. — 20 сентября; Московские ведомости. — 1912. — 30 сентября.
 - (14) Московские ведомости. — 1912. — 23 сентября; Новое время. — 1912. — 4, 11, 29 сентября; Утро России. — 1912. — 4 октября.
 - (15) Циркулярное письмо министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Берлине, 18 (31) октября 1912 // Красный архив. — 1926. — № 3 (16). — С. 16.
 - (16) Утро России. — 1912. — 27 сентября; Русское слово. — 1912. — 5 октября; Голос Москвы. — 1912. — 30 сентября, 9 октября; Новое время. — 1912. — 23 сентября.
 - (17) Русское слово. — 1912. — 5 октября.
 - (18) Красный архив. — 1926. — № 3 (16). — С. 4; Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.: Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского российского министерства иностранных дел. — М., 1922. — С. 289.
 - (19) Русское слово. — 1912. — 16 октября; Московские ведомости. — 1912. — 14 октября; Новое время. — 1912. — 18 октября; Голос Москвы. — 1912. — 17 октября.
 - (20) Утро России. — 1912. — 16 октября.
 - (21) Секретная телеграмма посла в Париже А.П. Извольского. — 14 (27) октября 1912 г. // Красный архив. — 1926. — № 3 (16). — С. 13; Циркулярное письмо министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Берлине, 18 (31) октября 1912 г. // Там же. — С. 13.
 - (22) Там же. — С. 15—16.
 - (23) Русское слово. — 1912. — 25 октября; Голос Москвы. — 1912. — 23 октября; Утро России. — 1912. — 27 октября.
 - (24) *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908—1914). — М., 1962. — С. 153; *Бовыкин В.И.* Из истории возникновения первой мировой войны: Отношения России и Франции в 1912—1914 гг. — М., 1961. — С. 143—151; Секретная телеграмма С.Д. Сазонова А.П. Извольскому, 22 октября 1912 г. // Красный архив. — 1926. — № 3 (16). — С. 22.
 - (25) Утро России. — 1912. — 18 и 28 октября.
 - (26) Материалы по истории франко-русских отношений. — С. 293.
 - (27) Утро России. — 1912. — 7 ноября; Голос Москвы. — 1912. — 21 ноября; Новое время. — 1912. — 4 ноября.

- (28) Московские ведомости. — 1912. — 21 октября; Голос Москвы. — 1912. — 2 декабря; Утро России. — 1912. — 24 ноября.
- (29) Речь. — 1912. — 7 ноября; Русское слово. — 1912. — 1 декабря.
- (30) Утро России. — 1912. — 7 декабря; Новое время. — 1912. — 4, 8, 10 декабря; Русское слово. — 1912. — 8 декабря.
- (31) Новое время. — 1912. — 4 ноября.
- (32) Речь. — 1912. — 21 ноября.
- (33) Государственная дума. Созыв 4, сессия 1. Стенографические отчеты. — Ч. 1. — СПб., 1912. — Стб. 30—32.
- (34) Утро России. — 1912. — 6 декабря; Русское слово. — 1912. — 7 декабря.
- (35) *Сазонов С.Д.* Воспоминания. — Берлин, 1929. — С. 88.
- (36) Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). — Ф. Политархив. — Оп. 482. — Д. 3048а. — Л. 43, 101.
- (37) Там же. — Л. 133.
- (38) Там же. — Л. 142—143.
- (39) С.Д. Сазонов А.П. Извольскому. — 5 марта 1913 г. — Там же. — Ф. А.П. Извольского. — Д. 39. — Л. 31—32.
- (40) *Сазонов С.Д.* Воспоминания. — С. 92.
- (41) *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны (1910—1914 гг.) // Исторические записки. — 1965. — Т. 75. — С. 68; Утро России. — 1913. — 28 марта; Голос Москвы. — 1913. — 28 марта.
- (42) Земщина. — 1913. — 30 марта; Колокол. — 1913. — 30 марта.
- (43) АВПРИ. — Ф. А.П. Извольского. — Д. 39. — Л. 33. — Письмо С.Д. Сазонова А.П. Извольскому, 2 (15) апреля 1913 г.

THE FIRST BALKAN WAR AND RUSSIAN SOCIETY

E.G. Kostrikova

Centre «Russia in international relations»
Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Dmitry Ulianov Str., 19, Moscow, Russia, 117036

The article is devoted to the problem relationships of power and society on the eve of the First world war, the struggle of opinion of one of the important directions of Russian foreign — the Middle East on the example of the First Balkan war of 1912—1913. Investigation is based on the study of wide circle of sources: Russian before-revolution press, archives, memoirs.

Key words: Foreign policy of Russia, the First Balkan war, Black Sea straits, public opinion, press, S.D. Sazonov.